

ПЕТР ГАРАГУЛЯ

Сновидец. Дырявое небо раба

ТЁМНОЕ ФЭНТЕЗИ

Пётр Гарагуля

Сновидец. Дырявое небо раба

<https://litres.ru/74520592>

SelfPub; 2026

Аннотация

Человек живёт несколько жизней одновременно. Одна — здесь. Другая — во сне. Третья — во сне внутри сна. Мы забываем об этом, когда просыпаемся. Но некоторые помнят. Их называют Сновидцами. Он — один из них. Он умеет забирать вещи из снов. Встречать себя из будущего. И однажды — не проснуться вовсе. Потому что в мире снов всё перевёрнуто. А женщина, которая улыбается, на самом деле — хищник. Она пьёт его страх. Греется его болью. Превращает людей в батарейки. И она — его жена. Он уже был здесь. Он забыл. Но она вернулась. И оставила фотографию. «Ты не закрыл подвал. Я вернулась. Жди во сне». Теперь ему придётся снова спуститься в Акшар. Это зеркало. Каждый увидит в нём своё. Свою Ялатан. Свой подвал. Своего медведя. И, возможно, свой ключ. Это книга о том, как выжить там, где выжить невозможно. О том, как перестать быть батареей. И о том, что настоящая месть — это просто жить. Без неё. И чтобы было хорошо. Тёмное фэнтези о выходе из ада, который мы сами называем любовью.

Пётр Гарагуля

Сновидец.

Дырявое небо раба

Сновидец. Книга 1: Дырявое небо раба

Пролог: Законы сновидца

Человек живёт несколько жизней одновременно. Одна — здесь, когда он не спит. Другая — во сне. Третья — во сне внутри сна. И так до бесконечности.

Мы просто забываем об этом, когда просыпаемся. Утром встаём, умываемся, пьём кофе, идём на работу. И даже не подозреваем, что ночью были кем-то другим. Где-то далеко. В другом мире. В другой жизни. В другом те-

Но некоторые помнят. Их называют СНОВИДЦАМИ.

Они могут забирать вещи из снов. Приносят оттуда монеты, кольца, ключи. Мелочи. Но иногда — что-то большее. Что-то опасное. Что-то, что не должно быть в реальности.

Они могут встречать себя из будущего. Разговаривать с собой из прошлого. Видеть то, что будет. И то, что было. И то, что могло бы быть.

И однажды — не проснуться вовсе.

В мире снов всё перевёрнуто. Добро называют злом. Зло — добром. И даже имена читаются наоборот. Если в реальности тебя зовут Пётр — во сне ты станешь ОРТЕПом. Если страна называется Россия — во сне она превратится в АК-ШАР. А женщина по имени Наталья отзовётся на имя ЯЛА-ТАН.

Запомни это правило, Сновидец. Иначе ты не поймёшь, кто друг, а кто враг. И проснёшься не в своей постели — а в подвале. Среди таких же, как ты. Тех, кто не успел. Тех, кто не понял. Тех, кто остался там навсегда.

Если ты читаешь это — ты уже один из них. Или скоро им

станешь. Вопрос только в одном: успеешь ли ты проснуться?

Глава 1. Медведь

Пётр проснулся от того, что кто-то дышал ему в лицо. Тяжело. Влажно. С запахом леса и старой шерсти. Он открыл глаза. Напротив, в полуметре, на полу сидел медведь. Бурый. Огромный. С густой шерстью, в которой застряли сухие листья и мелкие ветки. И смотрел на Петра внимательно, жёлтыми глазами, как будто ждал, когда он наконец соизволит проснуться.

— Ты опять здесь, — сказал Пётр.

Медведь не ответил. Он вообще никогда не отвечал. Только дышал и смотрел. И иногда рычал, когда чуял опасность. Или когда Пётр делал что-то не то. Или когда просто настроение было плохое. Пётр так и не понял до конца, что означают эти рыки. Но привык.

Он сел на кровати. Одеяло сползло на пол. Медведь остался на полу. Глаза не отводил. В комнате было тихо. Только часы на стене тикали. Старые. Механические. Пётр купил их на барахолке лет пять назад. Они отставали на семь минут. Но он не чинил. Привык.

— Сколько времени?

Медведь моргнул. Пётр посмотрел на телефон. 05:47 утра. Воскресенье. В городе тихо. Только где-то за стеной сосед сверлил, потому что соседи всегда сверлят по воскресеньям. Это закон природы.

Пётр потянулся, хрустнул шеей. Медведь тоже потянулся — огромной горой шерсти и мышц. Когти царапнули линолеум. Оставили следы. Такие же, как вчера. И позавчера. Пётр уже перестал их замечать. Хотя сначала ругался. Пытался затереть. Потом плюнул. Всё равно появятся новые.

— Иди на кухню, — сказал он. — Я сейчас.

Медведь не двинулся.

— Ну что опять? — Пётр вздохнул. — Ты же меня не съешь. Если б хотел — съел бы уже в первый день.

Медведь мотнул головой в сторону двери. Туда, где была прихожая. Туда, где вешалка. Туда, где на коврике лежала вчерашняя почта, которую Пётр так и не забрал.

— Там что-то есть?

Медведь моргнул. Два раза.

— Понятно, — сказал Пётр. — Сейчас.

Он встал, натянул штаны, прошлёпал босиком по холодному линолеуму. Медведь поднялся и пошёл следом, тяжело ступая. Пол скрипел под его весом. Пётр всё думал, выдержит ли перекрытие. Но потом перестал думать. Медведь был здесь уже месяц. И ничего не провалилось.

В прихожей было пусто. Только вешалка, только коврик, только вчерашняя почта. Пётр нагнулся. Газета. Реклама. Квитанция за свет. И конверт. Обычный белый конверт. Без марки. Без обратного адреса. Только его имя: «Петру».

Пётр открыл. Внутри — фотография. Женщина улыбалась. Светлые волосы. Серые глаза. Он знал это лицо. Знал очень хорошо. Слишком хорошо.

На обороте — строчка, выведенная чёрной ручкой: «Ты не закрыл подвал. Я вернулась. Жди во сне».

Пётр замер. Руки похолодели. В груди что-то сжалось. Он смотрел на фотографию и не мог отвести взгляд. Как будто она смотрела на него. Как будто ждала.

— Наталья, — прошептал он. Но тут же поправил себя, вспомнив правило: — ЯЛАТАН.

Медведь зарычал. Глухо. Опасно.

Пётр посмотрел на фотографию, потом на зверя, потом на дверь, за которой начинался обычный воскресный город с соседями-сверлильщиками и запахом кофе из двадцать третьей квартиры.

— Ну здравствуй, — сказал он пустоте. — Я уж думал, ты не вернёшься.

Медведь щёлкнул зубами.

Пётр сунул фотографию в карман. Пошёл на кухню ставить чайник. Медведь побрёл за ним, скребя когтями по полу. На стене, над столом, висела старая фотография. На ней Пётр был моложе. И без бороды. И на плече у него красовалась татуировка — медведь с воином. Тогда тату была просто рисунком. Чёрной краской под кожей. Теперь рисунок дышал и ходил по квартире.

Пётр включил газ. Чайник зашипел. Он сел за стол. Посмотрел в окно. За окном вставало солнце. Воскресное. Тёплое. Как перед долгой дорогой.

— Итак, — сказал он сам себе. — Надо вспомнить всё. Как я попал. Что я сделал. И как её остановить.

Медведь лёг у его ног, положил голову на лапы и приготовился слушать. Он умел слушать. Это Пётр знал точно.

Глава 2. Первый сон

В ту ночь Пётр уснул быстро. Медведь лежал рядом, тёплый и тяжёлый, как одеяло. Пётр провалился в темноту. И сразу понял: это не просто сон. Это — Акшар.

Он стоял посреди улицы, которой не знал. Дома — серые, без окон, похожие на улы. Вдалеке — зарево. Не пожар. Что-то другое. Он понял потом — война. Она шла всегда. На горизонте. Как фон. Как декорация. Которую никто не замечает. Потому что привыкли.

— Ты здесь не в первый раз, — сказала женщина.

Голос у неё был тягучий, как патока. И такой же липкий. Он обернулся. Она стояла в трёх шагах. Светлые волосы. Серые глаза. Те же, что на фотографии. Но что-то было не так. Черты лица — знакомые, а вместе — чужие. Как будто кто-то взял её лицо и нарисовал заново. По памяти. С ошибками.

— Где я? — спросил он.

— Ты уже знаешь, — женщина улыбнулась. — Назови это место.

Он огляделся. Серые дома. Липкий воздух. Война на горизонте.

— Акшар, — сказал он. И удивился тому, как легко слово вылетело с языка. Как будто он всегда его знал. Просто забыл.

— А как меня зовут?

Он посмотрел на неё. Вспомнил фотографию. Вспомнил строчку на обороте. Вспомнил её настоящее имя в реальности — Наталья. А потом перевернул его, как учило введение.

— ЯЛАТАН, — сказал он.

Она кивнула.

— Видишь, — сказала она. — Ты всё помнишь. Потому что ты Сновидец.

Она шагнула ближе. Пётр — нет, теперь он здесь был ОРТЕП — почувствовал, как воздух стал горячее и липче. Как будто кто-то открыл печную дверцу. И жар пошёл в лицо.

— Это не сон, — сказал ОРТЕП.

— А что такое сон? — ЯЛАТАН склонила голову. — Другая жизнь. Которую ты забываешь, когда просыпаешься. Но ты не забыл. Ты помнишь. Потому что ты — мой муж.

— У меня есть жена, — сказал ОРТЕП. — В реальности.

— Нет, — ЯЛАТАН покачала головой. — В реальности ты был один. А я пришла. И ты поверил. А теперь — ты здесь. Со мной. Навсегда.

Она взяла его за руку. Ладонь была липкой. И горячей. Как будто она только что держала в руках что-то живое. Что-то, что умерло.

ОРТЕП хотел вырвать руку. Не смог. Пальцы не слушались. Как будто чужие.

— Где медведь? — спросил он.

— Твой зверь? — ЯЛАТАН засмеялась. — Он в реально-

сти. Здесь ему нельзя. Здесь другие законы.

— Какие?

Она посмотрела на него. Глаза — серые, как пепел.

— Здесь добро называют злом, — сказала она. — А зло — добром. Здесь нельзя верить словам. Только делам. И здесь ты — ОРТЕП. И ты — мой. Навсегда.

Она потянула его за руку. И он пошёл. Потому что не мог не пойти. Они двинулись по улице. Серые дома облепляла слизь, как пот на больном теле. Из щелей сочился пар. Тёплый. Почти горячий.

— Почему так жарко? — спросил ОРТЕП.

— Скоро узнаешь, — сказала ЯЛАТАН. — На Акшаре тепло в цене.

Она улыбнулась. Но глаза остались холодными. Впереди показался дом. Большой. Тоже серый. С запертой дверью в подвал.

ОРТЕП проснулся. В собственной квартире. В поту. Сердце колотилось. Рядом на полу сидел медведь и смотрел на

него жёлтыми глазами.

— Мне это не приснилось, — сказал Пётр.

Медведь моргнул.

— Она вернулась. ЯЛАТАН.

Медведь рыкнул. Пётр встал, подошёл к окну. За окном было утро. Обычное. Иркутское. Собака лаяла. Где-то сигналила машина.

— Значит, — сказал он тихо, — придётся опять туда идти.

Медведь подошёл, ткнулся носом в ладонь.

— Да, ты прав. Не один.

Глава 3. Клетки и кормушки

ОРТЕП проснулся снова. На этот раз — не в своей квартире. На Акшаре. Он лежал на чём-то жёстком и липком. Пол был серым. Потолок — серым. Стены — серыми. И всё покрыто тонким слоем слизи, которая пахла чем-то кислым и чужим. Как будто здесь давно никто не убирал. И не соби-
рался.

— Твою мать, — сказал ОРТЕП. — Я опять здесь.

Он сел. Рядом кто-то дышал. Тяжело. Влажно.

— Медведь? — спросил он, не веря своим гла-

Медведь сидел в углу. Жёлтые глаза светились в полумраке. Он был здесь. На Акшаре. Хотя ЯЛАТАН сказала, что не может быть. Хотя законы другие. Но он был. И смотрел. Как всегда.

— Но она же сказала... — начал ОРТЕП.

Медведь фыркнул. Мол, мало ли что она сказала.

ОРТЕП встал. Ноги были ватными. Голова гудела. Во рту — привкус металла и горечи. Он подошёл к двери. Толкнул. Дверь открылась.

— Ну, — сказал он медведю. — Пойдём посмотрим, что тут за ад.

Город оказался хуже, чем он запомнил. Дома — высокие, серые, без окон. Похожие на улыи или на тюремные корпуса. Они стояли плотно, почти вплотную, и сверху город напоминал гигантскую решётку. Клетку. В которой ты — не хозяин. А гость. Нежеланный.

— Клетки, — сказал ОРТЕП вслух.

Медведь мотнул головой. Согласен.

Вокруг сновали люди. Много людей. Они шли быстро, не поднимая глаз. У всех была одна и та же одежда — серая, мешковатая, безликая. И у всех — одинаковые выражения лиц. Пустые. Усталые. Как будто они уже давно забыли, зачем родились. И зачем живут. И зачем вообще здесь.

— Извините, — ОРТЕП остановил прохожего. — Где я могу поесть?

Прохожий поднял глаза. Взгляд — стеклянный, немигающий.

— Еда? — переспросил он. — Ты из новых, что ли?

— Допустим.

Прохожий усмехнулся. Криво. Как-то нечеловечески.

— Еды нет, — сказал он. — Еда — для избранных. А мы едим... — он запнулся. — Мы не едим. Мы выживаем.

И пошёл дальше. ОРТЕП хотел спросить ещё что-то, но прохожий уже растворился в толпе.

— Ну и ладно, — сказал ОРТЕП медведю. — Сам разбе-

русь.

Медведь рыкнул. Мол, конечно.

Они прошли ещё квартал. Или два. ОРТЕП уже сбился со счёта. Все дома были одинаковыми. Все улицы — одинаковыми. И вдруг — толпа. Люди стояли в очереди. Длинной, до самого горизонта. Они молчали. Только иногда кто-то вздыхал или кашлял.

— Что это? — спросил ОРТЕП у женщины в очереди.

Та повернулась. Лицо — старое, морщинистое. Глаза — мёртвые.

— Кормушки, — сказала она. — Раз в день.

— Что дают?

Женщина пожала плечами.

— Не важно. Главное — дают.

ОРТЕП протиснулся вперёд. Люди не сопротивлялись. Им было всё равно. Он увидел. Вдоль стены тянулись пластиковые лотки. Грязные. Потрескавшиеся. В каждом — немно-

го серой кашицы, похожей на размокший картон. Люди подходили, наклонялись и ели. Прямо из лотков. Как скот.

— Господи, — прошептал ОРТЕП.

Медведь зарычал. Он тоже видел.

— Это не еда, — сказал ОРТЕП женщине. — Это...

— Еда, — перебила женщина. — Для нас — еда. Для избранных — другое. Но мы не избранные. Мы — клетки. Мы — кормушки. Мы — то, что сгорает, чтобы они грелись.

— Кто — они? — спросил ОРТЕП.

Женщина посмотрела на него. Взгляд стал острее.

— Ты правда не знаешь? — спросила она. — Или притворяешься?

— Я здесь впервые.

— Впервые? — Женщина усмехнулась. — Здесь никто не бывает впервые. Мы все здесь были всегда. Просто забыли. А ты, видимо, помнишь. Ты — Сновидец.

— Откуда вы знаете?

— По зверю, — женщина кивнула на медведя. — Такие ходят только со Сновидцами. Остальные их не видят.

Она помолчала. Потом добавила тихо:

— Береги его. И себя. Здесь зверей не любят. И тех, кто их видит — тоже.

Она отвернулась и ушла. ОРТЕП остался стоять посреди улицы. Рядом — медведь. Вокруг — клетки и кормушки.

— Что за мир, — сказал он вслух. — Что за жизнь.

Медведь ткнулся носом в его ладонь. Тёплый. Живой.

— Ладно, — сказал ОРТЕП. — Пошли дальше. Надо понять, как отсюда выбраться.

А вдалеке всё так же горело зарево. И никто не знал, сколько ещё продлится война.

Глава 3.1. Женщина с ребёнком

ОРТЕП шёл дальше. Медведь — рядом. Они миновали

ещё один квартал серых домов. И вдруг услышали плач. Тонкий. Детский. Он доносился из-за угла.

— Слышишь? — спросил ОРТЕП.

Медведь кивнул.

Они завернули за угол. Там, у стены, сидела женщина. Молодая. Лет двадцати пяти. В сером балахоне. На руках у неё был ребёнок. Маленький. Года два. Он плакал. Тихо. Безнадёжно.

— Что с ним? — спросил ОРТЕП.

Женщина подняла голову. Глаза — красные. Опухшие. Она плакала. Давно. Может, дни. Может, недели.

— Голодный, — сказала она. — Я не могу его накормить. Меня не берут на кормушку. Говорят, я слишком слабая. Я не работаю. Я только плачу.

— А отец?

— Ушёл. На войну. Или в подвал. Я не знаю. Он не вернулся.

ОРТЕП присел на корточки. Посмотрел на ребёнка. Мальчик. Худой. Бледный. Но глаза — живые. Синие. Он смотрел на ОРТЕПа. И плакал.

— Как тебя зовут? — спросил ОРТЕП.

— Кай, — сказала женщина. — Его зовут Кай. Как героя из сказки. Я думала, он будет смелым. Сильным. А он умирает.

ОРТЕП почувствовал, как что-то сжалось в груди. Он вспомнил. Свою квартиру. Свою жизнь. Своё одиночество. И понял — вот оно. То, за что стоит бороться. Не за месть. Не за справедливость. А за этого мальчика. Который не должен умереть. В сером городе. Среди слизи.

— Держи, — сказал ОРТЕП. И протянул женщине кусок хлеба. Тот самый. Который забрал из сна. Утром. Не думая. Просто взял. И теперь он пригодился.

Женщина посмотрела на хлеб. Потом на ОРТЕПа. Потом снова на хлеб. И заплакала. Сильнее. Но уже по-другому. С облегчением.

— Спасибо, — прошептала она. — Спасибо.

— Не благодари, — сказал ОРТЕП. — Просто выживи. И его вытащи. Поняла?

Женщина кивнула. Мальчик перестал плакать. Он взял хлеб. И начал есть. Медленно. С трудом. Но ел.

Медведь подошёл. Лизнул ребёнка в щёку. Мальчик улыбнулся. Впервые. За долгое время.

— Он тебя запомнит, — сказала женщина. — И я. Навсегда.

— Я вернусь, — сказал ОРТЕП. — И выведу вас отсюда. Обещаю.

Он пошёл дальше. Медведь — за ним. А женщина смотрела вслед. И держала ребёнка. Крепко. Как самое дорогое. Что у неё осталось.

Глава 4. Ночлег сновидца

ОРТЕП стоял посреди улицы и смотрел, как люди расходятся. Кормушки опустели. Те, кто ещё минуту назад жевал серую кашу, теперь медленно брели в разные стороны. Никто не разговаривал. Все молчали. Только шарканье подошв по серой пыли. Как будто стадо. Которое устало. И которому

всё равно. Куда идти. Зачем. И что будет дальше.

— Куда они? — спросил ОРТЕП у прохожего.

Тот даже не поднял головы.

— Спать, — сказал он. — Или умирать. Кто как.

— Где?

Прохожий остановился. Посмотрел на ОРТЕПа пустыми глазами.

— Ты из новых, что ли?

— Допустим.

— Тогда иди за мной. Покажу, где ночуют неудачники.

Прохожий развернулся и зашагал прочь. ОРТЕП пошёл следом. Медведь — за ним.

Они пришли в здание, похожее на старый ангар. Ржавое железо. Мутные стёкла. Внутри — десятки тел, лежащих прямо на полу. Кто-то свернулся калачиком. Кто-то раскинул руки в стороны. Все — в серых балахонах, все — непо-

движные. Как будто мёртвые. Но некоторые дышали. Некоторые стонали. Некоторые просто смотрели в потолок. И не мигали.

— Здесь спят, — сказал прохожий. — Точнее, лежат. На Акшаре мало кто спит по-настоящему. Все боятся.

— Чего?

— Что не проснутся. Или проснутся там, где не надо.

ОРТЕП огляделся. В углу ангара горела тусклая лампа. Возле неё сидела старуха и перебирала какие-то тряпки.

— А там? — спросил ОРТЕП.

— Там — те, кто уже не боится. Или те, кому всё равно. Иди к ней. Она сдаёт места.

— Дорого?

Прохожий усмехнулся.

— Здесь деньги не нужны. Здесь нужны воспоминания. Чем больше помнишь о реальности — тем ты богаче. Она берёт плату историями.

— Какими?

— Счастливыми, — сказал прохожий. — Расскажешь что-то хорошее. Что было с тобой в жизни. Что ты помнишь. А она запоминает. И хранит. И иногда перепродаёт.

Он помолчал.

— Синдикат покупает такие истории. Говорят, они топят ими свои подвалы. Чтобы было тепло.

Прохожий развернулся и ушёл. ОРТЕП остался. Посмотрел на медведя.

— У нас есть счастливые воспоминания?

Медведь моргнул. Потом кивнул.

— Тогда идём.

Старуха подняла голову. Лицо — морщинистое, как печёное яблоко. Глаза — бледно-голубые, почти белые. Она смотрела на ОРТЕПа долго. Как будто оценивала. Как будто решала — стоит ли с ним связываться.

— Ты Сновидец, — сказала она. — Вижу по зверю.

— Да, — сказал ОРТЕП. — Мне нужно переночевать.

— Платить будешь?

— Рассказом.

— Садись, — она кивнула на пустой пол рядом с собой.

ОРТЕП сел. Медведь лёг рядом. Старуха посмотрела на зверя, но ничего не сказала. Только вздохнула.

— Рассказывай, — велела она. — Что у тебя было хорошего?

ОРТЕП задумался. Вспомнил дом. Иркутск. Свою комнату. Запах кофе по утрам. Медведя, который сидел на полу и смотрел.

— Я проснулся однажды утром, — сказал он. — И понял, что не один.

— Это всё? — старуха скривилась.

— Нет, — сказал ОРТЕП. — Я понял, что меня любят.

Не за что-то. Не за деньги, не за работу, не за то, что я могу дать. А просто так. Потому что я существую.

— Кто? — спросила старуха. — Кто тебя любит?

— Он, — ОРТЕП кивнул на медведя.

Старуха усмехнулась. Потом вдруг заплакала. Тихо. Беззвучно. Слёзы текли по морщинам. Как дождь по стеклу.

— Хорошая история, — сказала она, вытирая слёзы. — Я давно не слышала ничего хорошего. Все рассказывают про еду, про работу, про то, как им плохо. А ты про любовь.

Она махнул рукой.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.